

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА

Было ли возможно иное: альтернативы пройденные и непройденные¹

Представление о безальтернативном характере социально-политической ситуации, которое господствовало в российском обществе в последние 15 лет, оказалось самосбывающимся пророчеством, повернутым и в прошлое, и в настоящее. Прошлое уже состоялось, и ретроспективный анализ, как правило, подтверждает, что состоявшийся вариант развития и был наиболее вероятным, если не единственно возможным или даже предопределенным. Настоящее как результат выбора, сделанного в прошлом, выглядит еще более безальтернативным, поскольку политика нынешнего режима направлена на последовательное ограничение и ликвидацию всех независимых от него центров политической активности и силы, а официальная пропаганда не без успеха убеждает население в том, что нынешняя система власти в России единственно соответствует ее историческим традициям, географическим размерам и национальному менталитету.

Между тем история последних 15 лет отнюдь не была безальтернативной. Страна прошла несколько очевидных развилок: в 1991–1993 гг., в 1996 г. и 1998–1999 гг., когда сделанный выбор отнюдь не был единственно возможным. Не был он и результатом исторической предопределенности или стихийного действия объективных сил. Этот выбор делали те, кто в каждый данный момент находился у власти, и в этом смысле это был субъективный, субъектный выбор. Почему он каждый раз основывался на узко понятой целесообразности, был самым простым, недалеким и в конечном счете ориентированным на воспроизведение худших образцов прошлого — все это должно быть предметом анализа и дискуссии. Такой выбор каждый раз сужал возможности выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития, уменьшая число реальных альтернатив на следующих этапах развития, не устраняя, однако, их полностью.

На мой взгляд, решающая развилка в истории России (после распада Советского Союза) была пройдена в 1991–1993 гг.², когда был сделан сознательный выбор в пользу развития капитализ-

ма "сверху" путем конвертации власти в собственность, а не "снизу", через предоставление режима наибольшего благоприятствования мелкой и средней собственности, которая развивалась бы параллельно государственному сектору, постепенно вытесняя его из наиболее прибыльных сфер экономической активности. Этому соответствовал и политический выбор — ориентация на использование сложившихся управленческих структур для достижения экономических целей (либерализации рынка и приватизации госсобственности) в кратчайшие сроки. Политическая сфера рассматривалась группами, пришедшими к власти в России в 1991 г., чисто инструментально, как сфера управления. Вопрос о демократической трансформации и институционализации этой сферы практически не ставился: эта задача расценивалась как вторичная и производная от развития рыночной экономики, на основе которой, по мысли реформаторов, только и могли возникнуть демократические структуры власти. По сути дела, "демократический проект" 1991–1993 гг. свелся к рыночному. В результате не произошло сколько-нибудь существенной трансформации системы власти в России — власть осталась самодовлеющей, самодостаточной, монопольной и неподконтрольной обществу. Конституция РФ 1993 г. закрепила колоссальный перекося в сторону исполнительной власти, единственно реальной власти, существовавшей в российской истории. Этот вариант развития опирался не только на интересы советской номенклатуры, стремившейся трансформировать властные ресурсы в собственность без помех со стороны законодательных органов, но и на инстинкты самих реформаторов, не видевших самостоятельной ценности представительной власти и не способных к компромиссу как основе демократической политики¹.

Иной, низовой вариант развития капитализма в России², помимо нараставшего кооперативного

¹ Выступление на конференции "Россия вчера и сегодня: нереализованный выбор", посвященной памяти О.Р.Лациса (25 апреля 2006 г.).

² О развилках периода перестройки см.: *Ворожейкина Т.Е.* Глядя назад: Возможные альтернативы в развитии перестройки // Пути России: Двадцать лет перемен. М., 2005.

¹ В октябре 1991 г. Г.Бурбулис, в то время государственный секретарь РСФСР, а затем первый заместитель Председателя Совета министров в телевизионном интервью заявил, что "представительные органы в большей мере стали тормозом наших реформ. Эти органы нужны были для разрушения тоталитарной системы, и эту задачу они выполнили. Теперь территории России жаждут властной вертикали". (Г.Бурбулис. Выступление в программе РТВ "Без ретуши". 1991. 9 окт.).

² Под капитализмом автор понимает современное общество в единстве его социально-экономических, политических и социокультурных характеристик.

движения, мог опереться в то время на силы, непосредственно с рынком не связанные, — на гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию, квалифицированных рабочих — всех тех, кто участвовал в демократическом подъеме конца 1980-х годов и был заинтересован в становлении демократических каналов воздействия на власть и тем самым отделении общества от государства. Судьба современного общества в России в начале 1990-х годов в гораздо большей мере зависела от демократической трансформации системы власти и ее отделения от собственности, чем от скорости либерализации рынка и приватизации крупной государственной собственности. Политическая слабость социального субъекта, заинтересованного в низовом варианте развития, очевидная уже тогда, при ретроспективном анализе представляется бесспорной большинству исследователей. Следует сказать, однако, что структурирование такого субъекта в решающей мере зависело от политической воли демократических лидеров, от их готовности создавать представительные институты и отстаивать их властные полномочия. Это было несовместимо с фактическим отождествлением демократии с защитой исполнительной власти, ведущей борьбу против контролируемого оппозицией парламента. В такой ситуации, особенно в условиях экономического кризиса начала 1990-х годов, неизбежным было массовое разочарование в демократических институтах, поскольку люди не связывали с ними возможность отстаивать собственные интересы.

Отказ — во имя глубины и быстроты экономических преобразований — от медленного пути демократической трансформации власти, который потребовал бы постоянного согласования интересов путем политических компромиссов¹, решающим образом сказался на судьбе крупной частной собственности в России. Приватизация в России не сопровождалась становлением института частной собственности, который функционировал бы по публичным, общепризнанным и единым для всех правилам. Напротив, реальное право собственности в России, надежность положения собственника с самого начала зависели не от эффективности его экономической деятельности, а в первую очередь от близости к власти и характера отношений с ней. Эта систе-

¹ Подобная логика весьма типична для режимов так называемой авторитарной модернизации. Журнал "Экономист" приводит характерное суждение профессора пекинского университета Дзя Кингуо (*Jia Qingguo*): "Демократия — это в основе своей консервативное устройство. Если все интересы представлены, как вы можете осуществить быстрые и глубокие реформы?" (*A Survey of India and China // The Economist*. 2005. March 5. P. 12).

ма отношений, воспроизводившая традиционное для России единство власти и собственности, хотя и сложилась под влиянием предшествующего типа развития, не была, однако, предопределена им. В гораздо большей мере ее сформировала та стратегия приватизации, которая была реализована в России в 1990-е годы. Не безальтернативное "предопределение", а сознательный выбор правящих групп поставил крупную частную собственность в России в зависимость прежде всего от сохранения традиционной системы власти в лице ельцинского режима, именно на нем и только на нем держалась так называемая олигархическая система. На сохранение этой власти с 1993 г. были направлены основные усилия реформаторов. Ради этого был разогнан Верховный Совет в сентябре 1993 г., ради этого была начата в 1994 г. чеченская война, ставшая одним из важнейших факторов деградации и государства, и общества в России. Простые силовые решения сложных проблем утвердились в качестве основного способа воздействия власти на общество. Это означало, помимо прочего, что в 1990-е годы не произошло качественных, необратимых изменений в структуре и, главное, в правовом статусе собственности в России. Способ, которым была создана крупная частная собственность — путем прямой конвертации власти в собственность под "крышей" государства или путем сделки с отдельными его представителями, оказался гораздо важнее для дальнейшей судьбы этой собственности, чем скорость ее создания или объемы активов. Именно это облегчило ее последующую реконвертацию — переход к середине первого десятилетия 2000-х годов в руки групп, окончательно приватизировавших российское государство.

Вторая развилка была пройдена Россией в 1996 г. с гораздо меньшими возможностями реального выбора, чем в 1991–1993 гг. Центральная дилемма президентских выборов 1996 г. формулировалась тогдашними демократами (и властью) следующим образом: если победит Г.Зюганов, выборов больше не будет. Для того чтобы предотвратить победу Г.Зюганова, была предпринята крупномасштабная операция по манипулированию общественным мнением, приведшая к профанации института выборов. Сама по себе возможная победа Г.Зюганова на президентских выборах 1996 г., несомненно, представляла угрозу для демократического развития страны, однако не меньшую угрозу представляла власть, единственную опору которой составляли олигархические группировки, стремившиеся любой ценой отстоять свою собственность. Именно они, а не Г.Зюганов, не КПРФ,

осуществили фактическую отмену свободных выборов в России¹. Силы, противостоявшие друг другу в 1996 г., были типологически сходны — в их антидемократизме, в подходе к политике как сфере управления, организованной сверху вниз, в опоре на единство власти и собственности. В этом смысле выбор между Б.Ельциным и Г.Зюгановым не был выбором между различными вариантами развития. Альтернатива заключалась в другом: действительно свободные выборы могли бы привести, с точки зрения уважения воли большинства, к смене власти мирным, демократическим путем. Тем самым создавался бы прецедент демократического перехода власти от одной политической силы к другой, что было гораздо важнее для демократического развития России, чем пиррова победа демократов в 1996 г. Смена власти означала бы, что институт выборов действует и что общество тем самым должно отвечать за свой выбор. Напротив, оркестрованная из последних сил победа Б.Ельцина привела к тому, что отсутствие связи между голосованием и результатом выборов стало нормой в сознании людей — как ни голосуй, выберут того, кого назначит начальство. Можно много говорить о слабости или отсутствии демократического сознания российских избирателей в 1990-е годы, и это будет правильно. Однако верно и то, что демократическая политическая культура не возникает сама по себе и не является продуктом рынка. Она вырастает из конкретного опыта конкретных людей и практики демократических институтов, выборов в первую очередь. "*Institutions matter*": отказ от выборов или их профанация ввиду высокой вероятности "нежелательных" результатов ведет к разрушению институтов, а в российском случае — к возвращению в наезженную историческую колею.

Нереализованный выбор 1999 г. был связан с плюрализацией экономических и административных элит после экономического кризиса 1998 г., с возможностью возникновения полицентрической политической системы, основанной на множественности правящих и господствующих групп, неподконтрольных единому центру власти. Опять-таки существенной разницы между элитными группами, противостоявшими друг другу в избирательном цикле 1999 г., не было: Ю.Лужков и М.Шаймиев, лидеры

¹ Парламентские выборы 1995 г. остались последними относительно свободными в истории постперестроечной России. Сформированная по их результатам Государственная Дума, в общем, довольно точно отражала действительную расстановку политических сил и их поддержку в обществе (См.: *Холодковский К.Г. Политические партии России // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М.: Наука, 1998. С. 175–200*).

"Отечества" и "Всей России", соответственно, создали в своих регионах авторитарные структуры власти гораздо раньше, чем это удалось сделать федеральной власти. Возможность иного выхода заключалась в множественности этих групп, что вынуждало их хотя бы минимально считаться с обществом, апеллировать к нему и принимать во внимание существующие в нем интересы. Плюрализация элит могла бы быть путем к становлению конкурентной политической системы, вынуждая эти элиты к поиску институциональных механизмов улаживания конфликтов. Эта альтернатива сохранялась до лета 1999 г., когда она была блокирована развязыванием второй чеченской войны, истерично-ксенофобской мобилизацией общества, его консолидацией вокруг власти и назначением В.Путина преемником Б.Ельцина. Все последующие, *ex post*, объяснения авторитарного характера нового режима традиционной склонностью населения "к сильной руке" и его усталостью от "хаоса" 1990-х годов не отменяют того очевидного факта, что выбор лета 1999 г. был достаточно случайным результатом верхушечного соглашения одной части правящих групп, стремившихся не допустить реальной конкуренции со стороны другой их части на парламентских и президентских выборах.

С плебисцитарным избранием В.Путина на пост президента Российской Федерации альтернативность развития резко сужается. Она могла бы быть связана с сопротивлением заинтересованных групп политике верховной власти, направленной на последовательное установление вертикального контроля во всех сферах, на устранение любых независимых центров политической, экономической и общественной активности. Однако за шесть с лишним лет путинского правления сколько-нибудь серьезного сопротивления этой политике не было оказано ни разу, за исключением случая М.Ходорковского. Выгоды — действительные или мнимые — от подчинения власти казались гораздо выше издержек сопротивления. Так, выстраивание вертикали власти началось в 2000 г. созданием федеральных округов и изменением порядка формирования Совета Федерации, а закончилось в 2004 г. отменой выборов глав субъектов федерации, т.е. отменой федеративного устройства *de facto*. Эта реформа не встретила практически никакого сопротивления со стороны губернаторов, хотя их ресурсы в 2000 г. были весьма значительны. Она была поддержана в 2000 г. демократическими партиями в Государственной Думе (СПС и "Яблоко"), считавшими, что таким образом можно противостоять приватизации власти региональными

баронами и авторитарным режимам в субъектах федерации. При этом с самого начала оставалось неясным, почему назначенный, а затем плебисцитарно одобренный населением президент представляет общенациональные интересы, а региональные начальники — частные, поскольку в демократической системе степень "общности" интересов может определяться не иначе, как на конкурентных выборах с открытым исходом. Принятие логики сиюминутной целесообразности, очевидно разрушающей демократические институты, привело к раздроблению сил, казалось бы, заинтересованных в сопротивлении разрушению федеративной системы в России. В 2004 г., когда были отменены выборы губернаторов, сопротивляться было уже поздно.

По сходной логике развивалась реформа партийной системы и избирательного законодательства. В течение 2001–2005 гг. была принята серия законов и поправок к ним, которые ускорили процесс фактической ликвидации партий и партийной системы в России. Контролирующая Государственную Думу "Единая Россия" не может рассматриваться как аналог доминантной партии, партии-государства, какой, например, была Институционно-революционная партия (ИРП) Мексики более 60 лет. "Единая Россия", в отличие от ИРП, не имеет никаких значимых функций, кроме законодательного оформления соответствующих решений исполнительной власти (точнее, администрации президента), в Государственной Думе. В ней нет фракций, представляющих различные интересы правящих и господствующих групп, президенту и кандидату в президенты не нужно завоевывать поддержку внутри этой псевдопартии. Не является, на мой взгляд, "Единая Россия" и средством для отбора кадров и вертикальной мобильности бюрократии: для того чтобы занять значимую позицию в "Единой России", нужно предварительно обладать административным и/или экономическим ресурсом. Таким образом, "Единая Россия" не выполняет даже функции института, легитимирующего авторитарную политическую систему и придающего ей устойчивость, это имитационная партия, созданная для контроля за имитацией выборов в имитацию деятельности парламента.

Изменения в партийном и избирательном законодательстве, закрепившие имитационный характер всех политических институтов, также не вызвали серьезного сопротивления в обществе. Президентский вариант закона о политических партиях в 2001 г. (введший требования по минимальной численности партий и закрепляв-

ший государственный контроль за ними) поддерживали либеральные парламентские партии, СПС и "Яблоко", считавшие, что закон, препятствуя образованию мелких партий, позволяет избежать дробления партийной системы и тем самым распыления голосов на выборах. Соображения целесообразности (закон способствовал концентрации голосов демократического электората именно у этих партий) заслонили очевидную опасность того, что закон фактически блокировал возникновение новых партий из общества, вынужденно направляя низовую активность в русло уже существующих структур. После выборов 2003 г., обеспечивших "Единой России" конституционное большинство, дальнейшие изменения в законодательстве (введение 7%-ного барьера для прохождения в Государственную Думу, отмена одномандатных округов, запрет избирательных коалиций) способствовали политической маргинализации самих либеральных партий, которые уже не могли сопротивляться последствиям того компромисса с властью, на который они шли в 2001–2003 гг.

Последовательная контрреформа, включавшая, помимо уже упомянутого, ликвидацию независимых средств массовой информации и независимого суда, превращение прокуратуры в карательный орган избирательного правосудия, фактическое упразднение не только представительных, но и законодательных функций Государственной Думы, не была результатом объективного процесса или предопределения. Каждый раз это был набор конкретных мер и шагов, которым можно было противостоять, особенно в начале этого процесса. Однако всегда находились аргументы в пользу приспособления к политике власти¹. Эта трансформация привела в середине первого десятилетия 2000-х годов к деинституционализации политической системы, к ликвидации политики как публичной сферы. Не произошло, на мой взгляд, даже институционального оформления авторитарного режима, поскольку не создано сколько-нибудь эффективных каналов инкорпорирования существующих в обществе групп и интересов, режим не может использовать созданные им фикции политических институтов для обеспечения поддержки. Об этом свидетельствует не только растерянность правящих групп в связи с протестами против монетизации льгот в начале 2005 г., но и растущее применение силы для подавления

¹ Так, ликвидация "НТВ" в 2001 г. была фактически поддержана руководством СПС, объяснившим публике, что "Газпром" ничуть не хуже в качестве хозяина, чем "МОСТ-банк" В.Гусинского.

социально-экономического недовольства, использование ОМОНа против голодающих, требующих зарплаты, обманутых дольщиков и т.п. Рост представительства силовых структур в органах власти всех уровней становится единственным компенсатором отсутствия в авторитарной системе собственно политических механизмов поддержания контроля за обществом.

С 2003 г. верховная власть приступила к ликвидации сначала независимых центров власти, связанных с крупной частной собственностью, а с 2004 г. — к переделу этой собственности и ее концентрации в руках групп, непосредственно контролирующую государственную власть. Поглощение крупной частной собственности, будь то "Юганскнефтегаз" или "Сибнефть", государственными компаниями не может рассматриваться как национализация, поскольку государства как системы публичных институтов, т.е. деперсонализированных, независимых от воли, характера и специфических личных особенностей людей, в каждый данный момент их возглавляющих, в России не существует. Более того, именно в ходе этого процесса российское государство окончательно утрачивает публичное измерение и становится системой, основанной на голых, неинституционализированных отношениях власти¹, произволе и избирательном правоприменении². Был ли неизбежным такой исход либеральной экономической реформы в России? Достаточно распространенной в современных дискуссиях является точка зрения, согласно которой решающая развилка в современной истории России была пройдена в 2003 г., когда власть выбрала силовой вариант разрешения конфликта с "ЮКОСом"³, осуществив тем самым поворот от либерального курса на развитие частной инициативы и поддержку бизнеса⁴. На мой взгляд, так называемое "дело Ходорковского" и то, что за ним последовало, было результатом всей предшествующей политической эволюции страны, начиная с 1993 г., и абсолютно последователь-

ной политики режима, осуществлявшейся с 2000 г. Традиционная система власти, сохраненная во имя скорейшего перехода к рыночной экономике, оказалась мало совместима с функционированием института независимой от власти частной собственности, что в общем было предсказуемо, поскольку этот институт не может работать в условиях приватизированного государства. Крупная частная собственность в России стала жертвой той самой власти, которую она помогала создавать и сохранять. Поэтому если и была развилка в 2003 г., то возможность иного выхода из нее была минимальна. Теоретически эта возможность могла бы быть связана опять-таки с сопротивлением заинтересованных групп политике власти, которая позднее, в 2005 г., показала, что она весьма уязвима даже для неорганизованного, разрозненного сопротивления пенсионеров. У "капитанов" российского бизнеса ресурсов такого рода было несравненно больше, чем у пенсионеров, однако они продемонстрировали поразительную, на непредвзятый взгляд, покорность. Очевидно, что отсутствие сопротивления объяснялось зависимостью собственности от власти, возникшей и укрепившейся в ходе приватизации, и надеждами, отчасти оправдавшимися, что поддержка действий власти будет вознаграждена.

Со сходной дилеммой сталкиваются в настоящее время гражданские и неправительственные организации. С 2004 г. власть пытается ликвидировать независимые структуры гражданского общества как политические, обвиняя их в существовании на деньги иностранных фондов и следовании иностранным интересам, вплоть до шпионажа, так и законодательно, подчиняя эти организации административному и финансовому контролю. Характерно, что давлению подвергаются структуры, не оказывающие сколько-нибудь существенного влияния на общественное мнение в стране и не обладающие ресурсами, мало-мальски сопоставимыми с ресурсами крупного бизнеса, политических партий, СМИ или региональных администраций. Власть, казалось бы, могла просто игнорировать правозащитные, экологические и другие организации, слишком слабые для того, чтобы реально противостоять установлению "властной вертикали". Однако при всей своей слабости они представляют собой центры независимой от власти активности и именно поэтому должны быть или инкорпорированы в официальные структуры типа "Общественной палаты", либо удушены путем избирательного применения нового закона о неправительственных организациях, принятого в

¹ *O'Donnell G.I.* Counterpoints: Selected Issues on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. P. 164.

² "...Смысл показательного правосудия — в том, что его невозможно распространить на всех, но можно применить к каждому" (*Фишман М.* Показательное разоблачение карательного права // <http://www.gazeta.ru/column/fishman/668489.shtml>).

³ См.: *Аузан А.* Кризис ожиданий и варианты социального контракта // Пути России: Существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. Сходную точку зрения высказывали в публичных выступлениях последнего времени А.Илларионов и М.Касьянов.

⁴ Этот тезис был поддержан Е.Ясиным на конференции памяти О.Лациса.

конце 2005 г.¹ На мой взгляд, давление на гражданские организации в наибольшей мере свидетельствует о неизменности природы и "рефлексов" власти в России. Будучи способной взаимодействовать только с подконтрольными ей фикциями общественных организаций, именно власть решающим образом деструктурирует общество, превращая его в аморфную массу и вытравливая даже самые слабые ростки самоорганизации, которые в нем появляются. С этим, а не только с характером самого общества, с его атомизацией и господствующими патерналистскими настроениями, связано, на мой взгляд, отсутствие сколько-нибудь внятной оппозиции политике власти по восстановлению "вертикального социального контракта"².

Деинституционализация политической системы в принципе препятствует появлению альтернативных вариантов развития, заранее выхолощивая их содержание. Власть создает структуры, имитирующие оппозицию и гражданское общество, имитирует борьбу с коррупцией и фашистской угрозой, последовательно лишая настоящую оппозицию возможных точек кристаллизации. Если действительные структуры власти вполне реальны, то все институты, которые она создает для взаимодействия с обществом, имитационны. Это в решающей мере препятствует структурированию политического пространства и пространства гражданского общества в России. В деинституционализированной системе не возникает каких-либо альтернатив развитию и внутри самой власти. В этом смысле нынешняя ситуация в России воспроизводит уже неоднократно повторенную и трагическую закономерность российской истории. Система неререформируема изнутри: строя отношения с обществом по принципу вертикального контроля и управления, она в конечном счете загоняет себя в тупик. Вместе с тем непродуктивным для преодоления зависимости от траектории предшествующего развития оказывается и быстрый, радикальный слом системы. Дважды в XX в., в начале и конце его, результатом такого слома становилась регенерация прежнего, вертикального ("top-down") типа взаимоотношения власти и общества. Очевидная и усиливающаяся неустойчивость нынешней властной конструкции в России, не сбалансированная иной, внесистем-

ной альтернативой, ведет к нарастанию угрозы очередного краха и "повторения пройденного".

Важнейшим дополнительным фактором, закрепляющим застойный характер сложившейся в России социальной и политической системы, является ситуация на мировом рынке энергоносителей и сверхвысокие доходы от экспорта российских нефти и газа. Эти доходы, все более концентрирующиеся в руках групп, приватизировавших российское государство, позволяют консервировать не только отсталую структуру экономики, организованной вокруг добывающего сектора и подчиненной его интересам. Они дают возможность поддерживать (через разнообразные системы перераспределения, как легальные, "государственные", так и в основном теневые и коррупционные) уровень жизни всех слоев населения: достаточно высокий — у меньшинства, связанного с сырьевым сектором и государственным управлением, и минимальный — у большинства. Тем самым глобализация, точнее, тип включения России в глобальные процессы и структуры, оказывает на российское общество преимущественно демодернизирующее воздействие. В очередной раз воспроизводится и закрепляется традиционная российская система взаимодействия и взаимозависимости господствующих групп (власти), функционирование которых основано на неограниченной концентрации ресурсов и столь же неограниченном произволе, и населения, "народа", которому эта власть гарантирует определенный минимальный уровень существования. Этот минимум позволяет большинству не особенно "напрягаться" на работе, оправдывая это тем, что ничего другого — в таких условиях! — поделать все равно нельзя.

Такая система по-прежнему враждебна к проявлениям самостоятельной активности, к независимым и самостоятельным людям. Рыночная экономика в тех неинституционализированных и не гарантирующих право собственности формах, как она сложилась в России, не меняет ситуации по существу¹. Того "среднего класса", который теоретически должен был бы стать основой либеральной экономики, гражданского общества и политической демократии, в таких условиях не возникает. Появление массового среднего класса, которое могло бы существенно изменить преобладающий характер социальных

¹ Несмотря на то, что первоначальный проект закона удалось смягчить (особенно в части доступа иностранных фондов в Россию), принятая и подписанная президентом редакция позволяет государству осуществлять жесткий контроль за повседневной жизнью и финансированием НПО.

² Термин А.А.Аузана.

¹ Показательна судьба спонтанных, низовых форм рыночной деятельности — "челночной" и ларечной торговли, которую власти как федеральные через налоги, так и особенно местные путем разнообразных и постоянных ограничений, очевидно, стремятся свести на нет.

связей (с вертикального на горизонтальный) и тип взаимоотношений государства и общества (с "top-down" на "bottom-up") требует принципиально иного типа социальной мобильности, в котором доминировали бы каналы, не связанные с вертикальными государственными структурами. В 1990-е годы в России такие каналы появились в бизнесе, партийно-политической сфере, в средствах массовой информации, в обслуживании и инфраструктуре. В начале 2000-х годов происходит их сужение и возвращение под контроль государственных или псевдогосударственных структур, причем сами эти структуры также перестают быть эффективным средством вертикальной социальной мобильности. Те, кто по уровню доходов может быть формально отнесен в России к "среднему классу", в большинстве своем так или иначе зависят от государства и не отделяют себя от него. Зато они, очевидно, отделяют себя от неуспешных, низших, "народа", "быдла", только этим и конституируя себя как общность¹. Иначе говоря, становление "среднего класса" в России воспроизводит преимущественно не западные (европейские и североамериканские), а латиноамериканские закономерности 40–50-летней давности, когда именно средний класс составлял массовую опору авторитарного государства, гарантировавшего материальное положение и статус средних слоев. Разрывы в распределении доходов, уже достигшие латиноамериканского уровня и продолжающиеся углубляться, будут закреплять в основном "охранительные" ориентации большей части "среднего класса" в России. Надежды на то, что такой "средний класс" может стать основой современного общества и, соответственно, носителем демократической альтернативы, на мой взгляд, не обоснованы.

Вместе с тем потребности в формировании внесистемной альтернативы в сегодняшней Рос-

¹ Характерное описание молодежной субкультуры "*r-n-b — rich-and-beautiful*" дает корреспондент "Новой газеты": "Сегодня люди в России снова добровольно выстраивают новый царский режим, и зря висели декабристы, потому что у нас не может быть иначе, вот обязательно нужно деление на аристократию и народ. На элитное, труднодоступное, закрытое, обязательно с пропиской на Рублевском шоссе и с приставкой VIP и на дешевый опиум для народа, корм для свиней (...) Поколение *r-n-b* — это потенциально успешные молодые люди, которые стремятся к зарабатыванию денег, хотят носить дорогие вещи и ездить на хороших машинах, у них в моде красивый загар, идеальный цвет лица и отличные фигуры. (...) *r-n-b*-поколение — это дети ставших благообразными бизнесменов, начинавших в период малиновых пиджаков, поддерживающих современную власть, посещающих церковь и театры, а также дети представителей власти, также ставшие чинными бизнесменами" (Новая Газета. 2006. 26 янв.).

сии весьма настоятельны. Фактическая ликвидация публичной политики, государства как системы публичных институтов свидетельствует о глубокой внутренней слабости нынешнего политического режима в России, лишенного сколько-нибудь эффективных механизмов обратной связи с обществом. Режим в принципе не в состоянии создать такие механизмы и пытается компенсировать их отсутствие частичными репрессиями¹ и пропагандой. Существующая система власти крайне неустойчива как к внутренним столкновениям между ее различными частями и кланами, так и к изменениям внешней конъюнктуры. В этой ситуации восстановление публичной политической сферы, восстановление выборов как института сопоставления существующих в обществе интересов, даже в той убогой форме, в которой этот институт действовал в первой половине 1990-х годов, является важнейшим средством сохранения гражданского мира и стабильности в стране.

Чтобы быть минимально устойчивыми и не повторить судьбу, постигшую их в 1990-е годы, институты политической демократии должны включать интересы большинства населения страны. Современная демократическая альтернатива не может быть либеральной или только либеральной, она должна быть социальной. Демократия в России невозможна без интеграции социальных требований тех, кого экономическое развитие, ориентированное почти исключительно в соответствии с требованиями мирового энергетического рынка, делает лишними и как потребителей, и как производителей. Без интеграции этих слоев и без учета их интересов, которые зачастую имеют антилиберальный характер (как это было в случае протестов пенсионеров, связанных с монетизацией льгот), любое демократическое устройство будет верхушечным и обратимым. В этом смысле Россия стоит перед той же дилеммой, которая решающим образом определяла судьбу демократии в Латинской Америке во второй половине XX в. и начале XXI в. Без включения социально "исключенных" в плюралистическую систему гражданского и политического представительства, в которой они чувствовали бы, что могут эффективно отстаивать свои интересы, демократические институты не воспроизводятся. В непроницаемой для "исключенных" политической системе всегда сохраняется опасность того, что недемокра-

¹ Речь идет как об избирательном применении закона, так и о простом беззаконии, как в случаях милицейских задержаний, снятий с поездов и т.п. участников оппозиционных политических собраний в июле 2006 г.

тические, патерналистские тенденции социальных низов (и части средних слоев) сомкнутся с авторитарными, автократическими тенденциями господствующих групп. В таком случае демократическим путем, через выборы к власти приходят авторитарные режимы, которые сводят на нет, выхолащивают представительный характер институтов, их способность транслировать интересы общества, в том числе протест, в политическую сферу.

В свою очередь, без демократии, как мы могли убедиться за последние шесть лет, не может полноценно функционировать рынок и гарантироваться право собственности. Иначе говоря, путь к либеральному устройству экономики и общества в России лежит через демократическое политическое устройство, которое недостижимо без включения интересов и требований большинства. Только так, на мой взгляд, может быть создано современное общество в России.

Как Вы полагаете, имеют ли существующие сейчас оппозиционные партии и деятели реальные возможности представлять свои взгляды? У них есть для этого...
(в % от числа опрошенных, июль 2006 г., N=1600 человек)

Группа опрошенных	Все возможности + некоторые возможности	Нет больших возможностей + нет никаких возможностей	Затруднились ответить
В среднем	40	38	22
<i>Возраст:</i>			
18–24 года	48	26	26
25–39 лет	45	36	19
40–54 года	38	43	18
55 лет и старше	32	41	28
<i>Каким партиям симпатизируют</i>			
В среднем	40	38	22
Коммунистам	32	46	22
Демократам	49	40	11
Патриотам	27	60	13
Партии власти	62	25	13
Никому	32	39	29

Как Вы считаете, средства массовой информации в России сейчас свободны от государственного контроля или нет?
(в % от числа опрошенных, июль 2006 г., N=1600 человек)

Группа опрошенных	Полностью свободны + по большей части свободны	По большей части под контролем + полностью под контролем	Затруднились ответить
В среднем	44	47	9
<i>Возраст:</i>			
18–24 года	51	39	10
25–39 лет	46	47	7
40–54 года	42	52	6
55 лет и старше	39	48	13
<i>Каким партиям симпатизируют</i>			
Коммунистам	42	51	7
Демократам	54	41	5
Патриотам	36	61	3
Партии власти	57	37	6
Никому	41	47	12